

Глава 1

ФИОЛЕНТСКИЕ КАМЕШКИ

Фиолент — самое прекрасное место на свете. Это Олежка знал точно. Васёна, конечно, думала иначе. Каждый день она стонала, когда надо было спускаться к морю и подниматься назад:

— Сколько здесь ступенек? Тысяча? Наверное, три тысячи! Это жестоко, папа! Жестоко привести нас в такое место!

Но папа только смеялся в ответ на её слова, а мама говорила:

— Васёна, тебе это очень полезно! Для фигуры. Будешь стройная-стройная...

Васёна обижалась и не разговаривала с мамой до самого пляжа. Олежка недавно только заметил, что сестра стесняется. Говорит, что она толстая. Читает про диеты и не ест больше мороженого. А на его взгляд — это глупость. Как мороженое может повредить человеку? Тем более Васёна совсем не толстая. Такая же, как всегда.

На Фиоленте — лучше всего! Когда они первый раз пришли из посёлка на обрывы, Олежка даже зажмурился от слепящей красоты. Море и небо — во всю ширь! Огромные! И даже высоченные скалы кажутся маленькими рядом с ними. Синее небо, желтая трава, а море — полосатое: голубое, зелёное, даже фиолетовое. И белые барашки волн. А ещё — разноцветные катерки и яхты. Будто у моря праздник. Олежка сразу это место полюбил и не ныл вот нисколечко, что так далеко спускаться к морю. Ну, может совсем чуть-чуть поныл. И то на подъёме. Но мама сказала, что на таком подъёме немножко можно.

Олежка нырял, плавал до скалы, которая торчала посреди бухты, ловил медуз, отдирал мидий с камня... Когда мама вытаскивала его из воды, чтобы погреться, он садился поближе к прибою и смотрел

на чаек, которые носились в небе, и на волны, и на других отдыхающих. Народу здесь было немного, но всё равно интересно наблюдать за всеми и придумывать, кто откуда приехал, как кого зовут, кто местный, а кто турист.

Васёна тоже всех разглядывала.

— Мам, как ты думаешь, а смогу я загореть, как во-он та девушка? Нет, правда? Она целыми днями загорает, ты заметила? Смотри, смотри, у неё целый чемоданчик всяких кремов...

— Васёна, прекрати, невежливо так пялиться...

— Да совсем я не пялюсь! Вот бы поближе посмотреть, что у неё там? Ой, какая собачка! Правда, прелесть? Вот бы нам такую, да? Но вы ж в жизни не разрешите!

— Не разрешим.

— А Ксюшка Саломатина говорит, что такие купальники, как у меня, из моды вышли. Правда, это грустно? Но я вот смотрю: полпляжа в таких... И вообще Ксюшка в моде ничего не понимает! Она и в музыке ничего не понимает, сказала, что наша школьная рок-группа — отстой. Совсем уже!

Васёна помешана на школьной рок-группе «Хруст», самая ярая фанатка: слушает только их музыку,

все песни наизусть знает, причёску делает, как их солистка Катя, и даже выпросила у родителей на день рождения гитару. В этой группе одни старшеклассники, из девятого и десятого класса, а руководит ими Мария Степановна, географичка, очень весёлая и совсем молодая. Вся школа ими ужасно гордится, потому что они победили на большом конкурсе школьных и студенческих музыкальных групп и на осенних каникулах всей группой поедут на фестиваль. Васёна мечтала, что её однажды тоже возьмут в «Хруст». Над столом у неё висит большая фотография с их концерта, которую она скачала из группы «Вконтакте».

Ещё мама с Васёной камешки собирали. Олежка сначала тоже собирал, а потом бросил. Их было так много! Гладких, плоских, коричневых, белых, рыжих и даже зелёных. И все — разные! Мама сказала, что здесь такие камешки, будто каждый выиграл конкурс красоты, чтобы попасть сюда. Начинаешь собирать и оторваться не можешь, обо всём на свете забываешь, ходишь по пляжу, ходишь... Олежка подумал, что всё равно всех камней отсюда не увезти, только от купания отвлекает, и не стал больше

собирать. Ещё ему вдруг показалось, что морским камням бы не понравилось, что их увозят с тёплого берега в город, где даже речки нормальной нет. Да и морю, наверное, обидно... Всё-таки это его камни.

Только один камешек оставил себе Олежка. Так, на память. Он был почти круглый, гладкий, похожий на яйцо, а цветом — как шоколад. Он помещался в ладони и очень Олежке понравился. Весь крымский отпуск он таскал его в кармане, крутил в руке — и на экскурсиях, и когда на море ходили, и в магазин... Камешек теплел в ладони.

И сейчас, в поезде, он положил камешек под подушку, смотрел в окно и думал: как здорово всё-таки на Фиоленте, так не хочется уезжать...

— Папа, — сказала вдруг Васёна, — а мы на следующий год поедem?

— Куда?

— На Фиолент?

— Тебе же не понравилось! — поддела её мама. — Тысяча ступенек, а то и три!

— Мне не понравилось? — и Васёна сделала такие глаза, будто мама сказала самую большущую глупость на свете.

Дома они долго разбирали фотографии и сувениры. Мама высыпала ракушки и мелкие камешки в прозрачную вазу, Васёна посмотрела на неё и сказала:

— Тот, кто придумал конфеты «Морские камешки», был на Фиоленте.

Фотографии вставили в альбом и каждую подписали. Папа придумывал самые смешные надписи, а Васёна опять дулась. Фотографии показывали бабушкам, дяде Славе и Марусе, Васёна таскала их ко всем подружкам, Олежка просматривал фотографии каждый день. Он скучал по морю, по Фиоленту, по тысяче ступенек к пляжу... по всей их жизни на море скучал! К тому же дома сейчас делать было ну совершенно нечего! К компьютеру его Васёна не подпускала, телевизор он не очень любил, одна скукотища там, а книжки читать тоже ведь целый день не будешь. И во дворе скучно: Вадик и Димка приедут только в августе, а Наташка... нет! Про Наташку — ни слова!

Шоколадный камешек Олежка тоже пристроил: положил его в большой фикус, который стоял у него на подоконнике. Камешек ещё пах морем, а если

лизнуть — был солёным. Это потому что Олежка долго держал его в море перед отъездом. Ну, чтобы он попрощался, что ли... Глупо, наверное — что он, живой, что ли?

Может и нет, но с ним как-то спокойней было. Начнёт опять Васёна приставать, а Олежка камешек сожмёт в кулаке, зубы сцепит и молчит, а то если ответишь, начнётся: «Как ты со старшими разговариваешь!»

Тоже мне старшая!

Олежке было обидно: ещё недавно, ещё весной, они всё делали вместе с Васёной. Ходили

в школу вместе, из школы — вместе, дома играли и уроки делали — вместе. Тогда ещё все звали её Васькой, она была весёлой, играла с ним в «Ганчики», они по очереди выбирали, какие мультики будут вместе смотреть, а по вечерам мама читала им одну на двоих книжку. А весной Васёне исполнилось двенадцать лет, и она заявила, что всё, хватит!

Хватит с неё этого мальчишеско-кошачьего имени — Васька. Или пусть зовут её по-взрослому — Василисой — или меняют свидетельство о рождении! Хорошо, что папа придумал Васёну, и на Васёну она милостиво согласилась.

Олегу тоже досталось:

— И ты тоже: хватит за мной везде ходить! У меня теперь свои интересы, мне уже двенадцать лет, а я всё как ненормальная — с младшим братиком таскаюсь!

— А с кем надо таскаться в двенадцать лет? — поинтересовалась мама.

— Ну... — неопределённо повела плечами Васька и не ответила. Олечка захихикал, хотя было ему совсем не весело.

— И хватит хихикать! И ждать меня после уроков — хватит! Что ты маленький? До дома не дойдёшь? Хватит!

Всё «хватит» да «хватит»! Будто он с первого раза не понимает! Это она сама его всё время ждёт, хочет перед старшеклассниками покрасоваться, какая она заботливая сестра! Подумаешь!

Теперь Васёна шла со школы в стайке щебечущих одноклассниц, а за ними следовал табун мальчишек. Суровых каких-то, больших. Олежка смотрел на них издалека и все казались ему дураками. Придя из школы, Васёна брала телефон и закрывалась в ванной, а потом в их общей комнате, и Олежке приходилось делать уроки в проходной комнате и ненавидеть, что ему всего десять лет. В конце сентября мама сказала:

— Пора их разделять, мне не нравится, что Олег делает уроки здесь. Ему неудобно. Он не сосредоточивается. Ошибок столько, вот-вот на тройки съедет. Мне уже Ольга Юрьевна звонила.

Но дело было не в сосредоточении. Просто раньше Васёна ему всегда помогала, объясняла или решала за него, а теперь сурово говорила:

— Сам думай!

И всегда это звучало, как: «Пошёл вон, дурак!»
Папа согласился, что Васёна выросла и пора ей иметь свою отдельную комнату.

— А я?! — чуть не заревел Олежка.

— А ты переедешь в нашу. А мы с мамой в общей комнате поспим.

Так у Олежки тоже появилась своя комната. Маленькая — в ней помещались-то только его диванчик, письменный стол и узкий шкаф — но зато своя!

Мама повесила ему новые весёленькие шторы с планетами Солнечной системы, а на подоконнике остался стоять огромный разлапистый фикус. Он был как дерево! И Олежка даже поселил на нём своих человечков из «Киндер-сюрпризов».

Но несмотря на свою комнату, шторы и человечков, Олежка понял, что в жизни его началась чёрная полоса. И всё из-за Васёны! Как же она его доставала! Каждую минуту делала замечания, презрительно дула губы на его шутки, закатывала глаза на его просьбы и фыркала, если он что-то серьёзное рассказывал.

Вечерами, лёжа в одиночестве в своей комнате, он прислушивался к шорохам в шкафу и за окном.

Проезжающие машины окружали его неясным светом, пробегающим по стенам, и казалось, что ты в отсеке космического корабля, который летит куда-то неизвестно куда, и ты один в большом холодном космосе...

— Ма-ма!!!!

Мама, конечно, приходила, сонная и сердитая.

— Олег, ты уже взрослый парень, я ведь тоже человек, я спать хочу, мне завтра на работу, ты не маленький, я устала...

— Мне страшно!

Мама лежала с ним пять минут и опять уходила. Наверное, ей казалось, что за пять минут можно успокоиться и уснуть!

Тень фикуса лежала на шторе, как силуэт много-рукого чудища с далёкой и злой планеты. Олежка вылезал из-под одеяла, подбегал к окну, хватал камешек из цветочного горшка и прыгал обратно под одеяло. Камешек всегда был тёплым, будто вобрал в себя столько крымского солнца, что даже здешняя осень ему нипочём. Олежка зажимал его в кулаке и засыпал.

Глава 2

ПРО ГЛЕБА И НАТАШКУ

День начался — хуже некуда. Родители с утра поссорились, и папа ушёл на работу, хлопнув дверью, даже не сказав им «до вечера», а мама закрылась в ванной. Васёна накричала на Олежку из-за того, что он назвал её Васькой. А что ему делать? Ведь он за десять лет привык!

Олежка плёлся в школу и думал, как хорошо, что его дедушка был знаменитым инженером-железнодорожником и что его так по-человечески звали. И что в семье есть традиция называть внуков

в честь дедов. Поэтому он полный дедушкин тёзка: Олег Петрович Комаров. А то назвали бы как-нибудь по-дурацки, как Васёну...

Например, Глебом. Но про Глеба лучше не думать. Потому что где Глеб, там и Наташка, а про Наташку лучше тоже не надо... И погода ещё будто издевалась над Олежкой: стояли ясные тихие дни. И он специально вышел из дома пораньше. Во-первых, чтобы не идти в школу с Васёной, а во-вторых, чтобы пройти через парк.

Под ногами шелестели листья. Похоже на прибой. То и дело то там, то тут от веток отрывался ещё один-другой лист и тихо летел, как летучая рыба, а океанский лайнер «Олег Комаров» шёл в разноцветном шуршащем море, навстречу штормам и бурям, навстречу опасностям и приключениям...

Вздыхнув, Олежка вышел из парка. Бывали дни, когда школу он просто ненавидел.

— Комаров! Опять со звонком в класс заходишь? Я сколько буду повторять, что последним в класс входит учитель, а все, кто после меня, считаются опоздавшими! Ещё раз — и я вызываю родителей!

— Вызывайте, — прошептал неслышно Олежка.

— Что ты там опять бормочешь? Так, тишина в классе! Кокорин! У нас математика! Ма-те-ма-ти-ка! А у тебя русский язык на столе!

Глеб Кокорин глянул на Ольгу Юрьевну смущёнными весёлыми глазами и полез в портфель. У Глеба всегда весёлые глаза. Родился человек на свет — радоваться. Его ругают — он радуется, хвалят — тем более. Даже когда над ним смеются, он смеётся тоже. А из глаз будто солнечные лучи. Может, поэтому в него Наташка и влюбилась?

— Так! Сели! Открываем учебники! Страница девятнадцать. Девятнадцать, Кокорин, а не пять!

Олежка открыл и стал смотреть на Наташку.

У него хорошее место, удобное. Через ряд от неё и на одну парту дальше. Олежке видно её щёку, кончики длинных ресниц, часть брови, ухо, шею и волосы, убранные в конский хвост. Наташка сидит прямо, как натянутая струна...

— Страница девятнадцать, задание семь. Наташа, не отвлекайся.

Наташку никогда по фамилии не назовут. Наташку учителя любят. Все до единого, не только

Ольга Юрьевна. Хотя Наташка совсем не отличница. Просто она их не боится, учителей, может подойти запросто и спросить, будто старшеклассница, но и не липнет, не подлизывается, как другие девочки...

— Комаров! Работаем, работаем! Кокорин! Да что ж это такое? Только и слышно в классе: Комаров да Кокорин!

Будто они виноваты, что слышно! Не делайте замечаний, вот и не будет слышно, вечно Ольга Юрьевна к ним придирается... Задание семь. «Составьте и решите задачу...». Есть у него одна задача, такая задача, которую не решить, сколько ни бейся. Тихая Надя Щёлокова, Олежкина соседка по парте, боязливо дотронулась до его локтя и глазами показала в проход. У его стула лежала записка. Олежка сбросил с парты карандаш и нырнул следом.

«Сегодня у Е. Д. праздник. Надо помочь.

Пойдёшь? Н.»

«Н.». Наташка не первый раз ему записки писала. Пойти в 1Б на праздник, сделать на школьный конкурс фотопрезентацию о классе, остаться после

уроков, чтобы нарисовать классный уголок... Конечно, он шёл, делал и оставался. Это же Наташка.

С Наташкой Кузнецовой Олег сидел за одной партой во втором классе. Всего одну четверть, зато самую длинную — третью. Он почти сразу понял, что Наташка — самая удивительная девочка в классе, а может, и во всём мире. Во-первых, она была красивая. Но не это главное. Главное, что она разговаривала с Олежкой, как человек с человеком, а не как девочка с мальчиком. Он не мог объяснить это словами, но так чувствовал. Наташка не умела глупо хихикать и делать язвительные замечания, после которых горят уши. Она не задавала дурацких вопросов и не приставала по пустякам. Зато умела внимательно слушать, даже если Олежка нёс какую-нибудь ерунду. И делиться вкусными ирисками умела. И не боялась учителей, двоек, второгодника Сёмина и контрольных. Они жили в соседних дворах и стали ходить вместе из школы домой. Но никто не дразнил их «жених и невеста». Наташку вообще никто и никогда не дразнил, никому даже в голову такое не приходило. Олежка был самым

